

ного пользованія германофильскими источниками, а отчасти вслѣдствіе того, что упущено изъ виду одно весьма важное обстоятельство, имѣющее значеніе общаго правила,—что государство, потерпѣвшее неудачу на полѣ сраженія, не можетъ въ точности исполнять предписанія конвенціи, въ виду естественной общей неурядицы, паники, упадка энергіи и контроля, наконецъ народнаго раздраженія и инстинкта самообороны. Эта сторона вопроса почти не затронута авторомъ, а между тѣмъ она имѣетъ рѣшающее значеніе при оцѣнкѣ дѣйствій воюющихъ державъ. Также несправедливо авторъ ставитъ въ вину турецкому правительству, что во время войны 1877—8 г. турецкіе солдаты стрѣляли преимущественно въ мѣста, обозначенныя ненавистнымъ для нихъ знаменемъ враждебнаго христіанства; ничего другого нельзя было и требовать отъ турокъ по отношенію къ „красному кресту“. Г. Ивановскій думаетъ, что турецкому правительству „слѣдовало бы, еслибы оно серьезно хотѣло исполнить женевскую конвенцію, просить Россію принять и у себя красный полумѣсяцъ“ (!), чтобы избавить русскіе лазареты и перевязочные пункты отъ турецкихъ выстрѣловъ (стр. 83). Нечего и говорить о томъ, что подобное предложеніе, еслибы оно было сдѣлано, показалось бы, вѣроятно, въ высшей степени оскорбительнымъ для Россіи и для русской арміи. Трудно согласиться также съ мнѣніемъ автора, что необходимо запретить употребленіе на войнѣ азіатскихъ или африканскихъ солдатъ, въ родѣ туркочовъ или башибузуковъ. Не все то, что желательно, можетъ осуществиться на дѣлѣ; оборона народная, какъ и личная, не знаетъ никакихъ правилъ и ограниченій. Въ случаѣ крайности государства всегда будутъ прибѣгать ко всякимъ силамъ, имѣющимся въ ихъ распоряженіи, не исключая и башибузуковъ и туркочовъ,—сколько бы ни протестовали противъ этого побѣдителя. Жестокости войны исчезнутъ только вмѣстѣ съ войною, какъ способомъ разрѣшенія международныхъ споровъ.

— *Дмитрій Никольскій. О выдачѣ преступниковъ по началамъ международного права. Спб. 1884.*

Объемистая книга г. Никольскаго (въ 539 стр.) посвящена детальной разработкѣ вопроса, которому вообще посчастливилось въ нашей ученой литературѣ. Авторъ собралъ массу матеріала, фактическаго и литературнаго, и въ этомъ отношеніи можно признать его изслѣдованіе вполне исчерпывающимъ предметъ. Что касается выводовъ и результатовъ, къ которымъ пришелъ авторъ, то въ нихъ не могло оказаться ничего новаго уже по самому свойству избранной тѣмы.

Г. Никольскій держится взглядовъ извѣстнаго нашего спеціалиста